

**ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ:
СЛОВО. ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ТЕКСТ**

Сб. статей в честь Е. В. Падучевой

Языки славянских культур
Москва 2008

О КЛАССИФИКАЦИИ И ЭВОЛЮЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ¹

А. Д. Кошелев

В § 1 статьи вводится критерий близости лингвистических теорий, позволяющий разделить их на пять парадигм описания языка. В § 2 дается сопоставительный анализ теорий Ф. де Соссюра, Н. Хомского, И. А. Мельчука, А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, Р. Джекендоффа и С. Пинкера на предмет их распределения по парадигмам. В § 3 построен эволюционный вектор, задаваемый перечисленными лингвистическими теориями, а в § 4 рассмотрена психологическая обоснованность введенных парадигм.

§ 1. Об основаниях классификации лингвистических теорий

Если мы зададимся вопросом о таксономическом критерии, позволяющем определять близость лингвистических теорий и на этом основании относить их к одному или, напротив, различным научным направлениям, то ответ на этот вопрос не будет вполне очевидным. По-видимому, такой критерий не может быть внутрilingвистическим. К примеру, на основе подобного критерия теория И. А. Мельчука (и его коллег) и теория А. Вежбицкой могут быть признаны близкими: ведь в каждой из них в центре внимания оказывается анализ и описание языкового значения посредством некоторого семантического метаязыка — подъязыка языка описания. Однако, как мы покажем ниже, эти концепции логичнее относить к разным научным направлениям, поскольку языковое значение в них понимается существенно различным образом.

Искомый критерием не может служить и такая общелингвистическая характеристика, как основная функция языка. В самом деле, как подчеркивает Ф. де Соссюр, «специфическая роль языка в отношении мысли заключается ... в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком» [Соссюр 1977: 144]. Практически то же утверждает и Р. Джекендофф: «основная функция языка заключается в том, чтобы преобразовывать мысли в коммуникативную форму» [Jackendoff 2007: 69]. Между тем, как мы покажем

¹ Переработанная и дополненная версия статьи [Кошелев 2008б].

ниже, концепции Соссюра и Джекендоффа не просто различны, а диаметрально противоположны. В частности, противоположны и их внешне схожие трактовки основной функции языка, поскольку Соссюр называет внеязыковой мыслью «хаотичное по своей природе, аморфное» перцептивное ощущение, которое именно благодаря языку «уточняется, расчлняясь на части» (ср. также тезис Э. Бенвениста, последователя Соссюра: «языковая форма является тем самым не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации» [Бенвенист 1974: 105]). Джекендофф же, напротив, называет мыслью «алгебраическую формулу» («структуру») концептов, сформированную мышлением независимо от языка.

Аналогично, тезис А. Вежбицкой «язык — это инструмент для передачи значения» [Вежбицкая 1999: 3], на первый взгляд, противоположен приведенной выше формулировке Джекендоффа, но по существу весьма близок к ней, поскольку языковое значение, по мысли Вежбицкой, это совокупность концептов, а «семантические примитивы» — единицы ее метаязыка — это воплощенные в языке «фундаментальные человеческие концепты».

Далее в качестве искомого таксономического критерия мы будем использовать внелингвистический критерий, фиксирующий характер взаимодействия языка и мышления человека в осуществлении речемыслительной деятельности, а именно: вклад того и другого в порождение фразы (высказывания).

Поясним вводимый критерий посредством простейшей (и в некотором смысле стандартизированной) схемы человеческой картины мира. Эту картину, или ментальную репрезентацию мира, мы будем представлять в виде трех взаимосвязанных уровней, или миров: предметного, концептуального и языкового, и трех процедур, порождающих (соответственно) эти миры: восприятия, мышления и языка. В данной схеме **предметный мир** (нижний уровень) — это совокупность конкретных мысленных предметов, манифестирующая в ментальной репрезентации непосредственно воспринимаемую действительность. Порождается этот мир **восприятием**, или **процедурой восприятия**, которая преобразует сенсорные стимулы перцептивного поля человека в ментальные предметы и связывающие их отношения.

Концептуальный мир (средний уровень) — это совокупность концептов (\approx категорий) и концептуальных отношений, отражающих таксономию элементов предметного мира. Следуя Дж. Лакоффу и др. (см. п. 2.5.2), концептами мы называем когнитивные элементы, которые а) задают категории предметов и их отношений и б) служат единицами мышления. Концептуальный мир надстраивается над предметным миром. Его порождает **мыслительная процедура**, или **мышление**. Концептуальный мир имеет ситуационную структуру — представляет собой совокупность связанных отношениями ситуаций, обусловленных человеческими интенциями (желаниями, целями и пр.).

Ситуацией, или **мыслью** мы называем комбинацию концептов, имеющую для человека самостоятельный смысл (в контексте его интенций). Часто концептуальная ситуация соотносится с предметной ситуацией, обобщая ее более конкретный смысл.

Наконец, **языковой мир** (верхний уровень) — это совокупность предложений языка — последовательностей знаков, обладающих целостным значением. Порождаются предложения **лингвистической процедурой**, или **языком**. Посредством своих значений предложения соотносятся с ситуациями концептуального уровня, обобщая их смыслы. Такие пары (предложение — концептуальная ситуация) мы будем называть **фразами**. В тех случаях, когда значения предложений конкретны (не абстрактны) и, следовательно, имеют референты (предметные ситуации), возникает вертикальная триада: предложение (фраза) — концептуальная ситуация (смысл фразы) — предметная ситуация (референт фразы). В случае же абстрактного значения предложения предметная ситуация в такой триаде может отсутствовать. Понятно, что фраза является целостной речемыслительной единицей, поскольку она порождается при согласованном взаимодействии языка и мышления².

Нижние два уровня очерченной схемы ментальной репрезентации образуют собственно картину мира человека (мы ее будем называть **жизненным миром**³), а верхний — языковой мир — задает общезначимое и поименованное (т. е. **эксплицитное**) представление жизненного мира.

Каждая лингвистическая теория по-своему трактует степень участия языка и внеязыкового мышления в порождении фразы. Предлагаемый нами **критерий** (мы будем называть его **речемыслительным**) и призван фиксировать соотносительный вклад каждой из этих процедур. Наряду с качественной оценкой вклада языка (больше / меньше / равен вкладу мышления), мы будем также оценивать вклады языка и мышления количественно, двумя весовыми коэффициентами — долями единицы. В сумме они должны составлять единицу.

В соответствии с речемыслительным критерием лингвистические теории распадаются на пять типов, или **парадигм** описания языка: 1) **сосюрровская** — доминирует вклад языка: 1 (язык) + 0 (мышление); 2) **хомскианская** — преобладает вклад языка: 0.7 (язык) + 0.3 (мышление); 3) **мельчуков-**

² Принятое в психологии различие трех уровней: «сенсорно-перцептивного», уровня «представлений» и «речемыслительного» (см., напр., [Касевич 1989: 14]) отличается от вводимого нами. Так, у нас речемыслительный уровень — это взаимосвязанная пара языкового и концептуального уровней.

³ Это понятие сходно с понятием «интерсубъективный жизненный мир» Э. Гуссерля и вполне соответствует понятию «жизненное пространство» К. Левина [Левин 2001: 283].

ская — вклады языка и мышления примерно равны: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление); 4) **традиционная** — преобладает вклад мышления: 0.3 (язык) + 0.7 (мышление) и 5) **антисоссюровская**, или **когнитивная** — доминирует вклад мышления: 0 (язык) + 1 (мышление). Каждой парадигме также свойственна своя трактовка и схемы знака, и назначения языка.

Далее нам понадобятся еще некоторые понятия. **Модулем** мы будем называть языковую / мыслительную процедуру, если ее текущая работа протекает с использованием только ее собственных (внутренних) данных. Процедура называется **порождающей**, если продукты ее деятельности (фраза или концептуальная ситуация) создаются ею на основе исключительно ее собственного (внутреннего) содержания, без использования внешних данных, и **интерпретирующей**, если продукты ее деятельности обусловлены поступающими на ее вход внешними данными. Процедура называется **глобальной**, если она создает свой продукт без участия другой процедуры: языковая — целиком фразу, а мыслительная — концептуальную ситуацию. Процедура называется **локальной**, если она создает свой продукт при участии другой процедуры.

Знаком мы будем называть пару «Имя — Значение (Содержание)» (связанную отношением конвенциональности). Условимся различать два типа Содержания: **Понятие** (внутриязыковое содержание — характеристика знака как элемента знаковой системы) *vs.* **Концепт** (внеязыковое содержание — категориальная характеристика элементов жизненного мира — предметов и отношений между ними). Обе эти характеристики (по отдельности и совместно) могут становиться значением знака. Например, у Ф. де Соссюра знак — это пара «Имя — Понятие», у А. Вежбицкой — «Имя — Концепт», а в традиционной парадигме знак — это «Имя — (Понятие + Концепт)» (см. п. 2.4).

Наконец, в множестве Понятий, характеризующих слова, мы будем различать семантические (**Понятия-сем.**) и грамматические (**Понятия-грамм.**). Первые задают семантическую, а вторые — грамматическую характеристику слова. Понятия-грамм. абстрагируют конкретные Понятия-сем., объединяя их в грамматические классы.

Подобно словам и их понятиям, складывающимся в правильные предложения благодаря семантико-синтаксическим связям, концепты связываются соответствующими концептуальными отношениями в концептуальные ситуации, т. е. образуют осмысленные комбинации.

§ 2. Пять парадигм описания языка

2.1. Соссюровская парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) языковой мир первичен, а жизненный мир вторичен и порожд-

дается языковым миром; 2) язык является глобальным порождающим модулем; мышление (вне языка) полностью отсутствует; 3) язык вносит доминирующий вклад: создает фразу целиком, вместе с ее концептуальной ситуацией.

Согласно данной парадигме в рамках языка осуществляется и собственно языковая, и мыслительная деятельность. Мышления вне языка нет и быть не может.

Этот тезис тесно связан с постулатом о первичности родного языка ребенка, который и порождает его жизненный мир. Первичные перцептивные ощущения человека обретают дифференциацию и структуру только благодаря проецируемому на них языковому миру ср.:

Хорошо известно вообще, что язык моделирует мир. Но одновременно он моделирует и самого пользователя этим языком, то есть самого говорящего. В этих условиях именно язык оказывается *первичной феноменологической данностью* [Успенский 1996: 5—6; курсив автора]. Наши знания о мире опосредованы знаками ... Виртуальная реальность, к которой отсылают эти знаки (в нашей терминологии — языковой мир. — А. К.), предстает как средоточие между человеком и объективной (ноуменальной) реальностью [Успенский 2007: 5—6].

Эту версию ввела в научный оборот теория Ф. де Соссюра, ср.:

В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную, нерасчлененную массу. ... без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе, мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка [Соссюр 1977: 144]. В лингвистике мы в принципе отрицаем ... будто имеются вещи, которые продолжают существовать, когда мы переходим от идей одного порядка к идеям другого порядка ... как если бы эти вещи были даны сами по себе (цит. по [Бенвенист 1974: 54, 56], см. также [Слюсарева 2004: 67]).

Согласно Соссюру, языковой знак — это пара:

(1) Слово — **Понятие** (= **Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

Шрифтовым выделением здесь и далее мы отмечаем значение знака, если оно используется **п о р о ж д а ю щ е й** процедурой.

Этой же точки зрения на значение придерживались Б. Уорф и Э. Бенвенист, ср.:

Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании [Уорф 1999: 97].

Язык воспроизводит мир, но подчиняет его своей собственной организации (...) нет естественного, непосредственного и прямого отношения ни

между человеком и миром, ни между одним человеком и другим. Необходим посредник — тот символический аппарат, который сделал возможными мышление и язык (...) «то, что мы хотим сказать», или ... «нашу мысль» ... весьма трудно определить как некую самостоятельную сущность ... Это содержание приобретает форму, лишь когда оно высказывается, и только таким образом [Бенвенист 1974: 27, 30—31, 104—105].

Итак, языку в данной версии приписывается не только функция построения языкового мира, но также функции построения предметного и концептуального миров (обычно эти функции приписываются процедурам восприятия и мышления). В этом случае построение фразы осуществляется, по-видимому, так. Языковой модуль одновременно, на основе текущего контекста уже существующего языкового мира, формирует предложение. Соотнося далее его понятийную (семантическую и грамматическую) структуру с «аморфной, нерасчлененной массой», представляющей первичное состояние фрагмента внешнего мира (окружение этого фрагмента уже преобразовано языковым миром в дифференцированный предметный мир), языковой модуль формирует из этой массы совокупность связанных отношениями предметов (по выражению Э. Бенвениста, «язык воспроизводит мир»).

Конкретное осмысление этой совокупности предметов задает не концептуальная ситуация (поскольку нет внеязыкового мышления, нет и концептов), а семантическая структура предложения (совокупность Понятий-сем.); ее более абстрактное осмысление задает грамматическая структура (совокупность Понятий-грамм.). Фраза получается вырожденной без концептуальной ситуации, роль которой играет семантическая структура предложения.

Понятно, что при таком понимании функции языка роль внеязыкового мышления (как самостоятельной процедуры) сводится к нулю. Никакого вклада в образование фразы мышление не дает. В итоге получаем: 1 (язык) + 0 (мышление).

Из сказанного следует, что в рамках данной версии главное назначение языка — служить инструментом мышления. Альтернативная трактовка языка как инструмента передачи мыслей здесь неприемлема, поскольку мысль «как некая самостоятельная сущность» вне языка не представима.

К данной парадигме относятся теории Ф. де Соссюра, Б. Уорфа, Э. Бенвениста, Б. А. Успенского и др.

2.2. Хомскианская парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) язык и жизненный мир независимы; 2) язык является локальным порождающим модулем, а мышление — локальным интерпретирующим модулем; 3) язык вносит преобладающий вклад в создание фразы: порождает синтаксическую структуру фразы, которая задает общий план концептуаль-

ной ситуации (мысли); получая через интерфейс эту структуру, мышление формирует соответствующую ей концептуальную ситуацию.

Такой взгляд (отделенность языка от жизненного мира человека) хорошо поясняет цитата из монографии Дж. Лакоффа, посвященной противоположному, когнитивному подходу к языку:

Одно из принципиальных утверждений данной книги заключается в том, что язык использует общий когнитивный аппарат ... [это] отнюдь не очевидно ... Фактически большая часть широко распространенных подходов к языку, как в лингвистике, так и в философии, основывается на противоположной предпосылке: язык является отдельной «модульной» системой, *независимой* от всего остального познания. Независимость грамматики от всего остального массива знаний является, возможно, наиболее фундаментальной предпосылкой, на которой основывается теория языка Ноама Хомского ... Подобные взгляды обычны также для философии языка, особенно они характерны для работ Ричарда Монтегю, Дональда Дэвидсона, Дэвида Льюиса, Сола Крипке и многих других [Лакофф 2004: 86—87].

В научный оборот эту парадигму ввела теория Н. Хомского. Сущностью языка по Хомскому является «языковая компетенция (linguistic competence)» — «способность человека порождать правильные ... предложения на родном языке и отличать правильные предложения от неправильных», а моделью языковой компетенции является грамматика языка, реализуемая в языковом модуле. Благодаря ей языковой модуль и порождает правильные синтаксические структуры. Другую способность человека — «применять свое знание языка в реальной ситуации общения, т. е. выбирать языковые средства, которые соответствуют этой ситуации ... Хомский называет **употреблением** (performance)» языка. «Построение моделей употребления представляет собой отдельную исследовательскую задачу» [Тестелец 2001: 512; выделение автора] ⁴.

Подчеркнем: по мысли Хомского, язык — это порождающий модуль. Он не имеет «никакого „входа“, на который поступали бы сообщения извне» и связан с когнитивной средой лишь «посредством двух внешних, или „интерфейсных“ уровней» [Тестелец 2001: 556—557]. Один из этих интерфейсов, «выходящий на внеязыковые мыслительные механизмы понимания», и обеспечивает взаимосвязь языка с концептуальным и, шире, жизненным миром человека.

⁴ В статье [Hauser, Chomsky, Fitch 2002: 1573] введено новое понятие «языковая способность в узком смысле (“Narrow Language Faculty (FLN)”)» — человеческая способность, обусловленная исключительно спецификой языка. По мысли авторов, «FLN включает в себя только ядерные вычислительные механизмы рекурсии, в том виде, в каком они появляются в синтаксисе в узком смысле ...» (см. также [Пинкер, Джакендофф 2008: 264 и сл.]).

Если мы теперь зададимся вопросом, на каких основаниях базируется порождение именно этой, а не какой-либо другой синтаксической структуры, по-видимому, следует считать, что на основаниях чисто мыслительного порядка. Иначе говоря, порождаемая синтаксическая структура выражает создаваемый именно языком общий план (строй) возникающей у человека мысли. А это означает, что грамматическая составляющая языка берет на себя важную часть функции мышления (у Соссюра эта функция полностью реализуется языком).

Итак, в отличие от теории Соссюра, в которой язык порождает фразу целиком (и никакого интерфейса не требуется, поскольку и внеположного языку мира нет), в теории Хомского построение фразы начинается с порождения языковым модулем изначальной, не обусловленной никакими внешними данными, синтаксической, точнее, грамматической структуры. Задавая своими грамматическими единицами и отношениями общий строй будущей фразы, эта структура предопределяет и концептуальную ситуацию фразы (поскольку есть внеязыковое мышление, есть и концепты, которыми оно оперирует), и ее лексический состав.

Далее начинается интерфейсное взаимодействие процедур мышления и языка. Мышление строит концептуальную ситуацию, выбирая подходящие концепты и отношения, отвечающие построенной синтаксической структуре, а язык подбирает слова (имена и предикаты), лексические значения которых адекватно описывают эту концептуальную ситуацию. В итоге, с одной стороны, синтаксическая структура «интерпретируется» — строится предопределяемая ею концептуальная ситуация фразы (осмысленная комбинация концептов). С другой стороны, построенная концептуальная ситуация теперь уже интерпретируется языковым модулем, подбирающим соответствующую ей лексику и заполняя ею синтаксическую структуру фразы.

Если мы оценим вклад языка в построение синтаксической структуры фразы в 0.4, а совместный вклад языка и мышления в ее интерпретацию — построение концептуальной ситуации и ее лексической формы — по 0.3, то получим следующий критерий для теории Хомского: 0.7 (язык) + 0.3 (мышление). Язык вносит преобладающий (но не стопроцентный, как в теории Соссюра) вклад.

Как мы видим, в теории Хомского грамматическая и лексико-семантическая составляющие Понятия (целостного значения) знака строго разделены: первая участвует в порождающей функции (поэтому выделяется), а вторая не участвует (она используется только в интерпретирующей функции). Получаем следующую схему знака:

(2) Слово — (Понятие-грамм. + Понятие-сем.).

В парадигме Хомского (как и в сосюрговской парадигме) язык не может трактоваться как инструмент передачи мыслей. Ведь в таком случае ему отводилась бы служебная, чисто информативная роль: сначала формируется мысль, а затем включается язык, чтобы создать фразу, выражающую эту мысль. Не случайно Хомский предостерегает против «информативной» трактовки назначения языка:

Ошибочно представлять использование языка человеком как сугубо информативное, в действительности или в намерении. Человеческий язык может использоваться, с тем чтобы информировать или вводить в заблуждение, прояснять свои собственные мысли для других или выставлять напоказ свою образованность, или просто ради игры. Если я говорю без специальной цели изменить ваше поведение или мысли, то я пользуюсь языком не в меньшей степени, чем когда я говорю в точности то же самое, и м е я такое намерение [Хомский 1972: 88; разрядка автора] ⁵.

В связи с этим уместно привести точку зрения Р. Джекендоффа. Комментируя в монографии [Jackendoff 2007: 70 (примечание)] свое понимание языка как инструмента «преобразования мысли в коммуникативную форму», он пишет:

Вопреки здравому смыслу Хомский часто утверждал, что язык не предназначен «для» коммуникации ... По непонятным мне причинам он, похоже, считает, что изначальное назначение языка — способствовать мышлению ... По крайней мере, в одной из последних работ (Chomsky 2002) и в дискуссии на конференции весной 2002 года он обосновывал это свое убеждение тем, что язык большей частью используется для внутренней речи. Удивительно, что он попал в ловушку ... полагая, что внутренняя речь *и есть* мысль, а не фонологическая структура, соответствующая мысли (как я буду утверждать). Более подробно обсуждение (и нашу интерпретацию) позиции Хомского см. в (Pinker, Jackendoff 2005, Jackendoff, Pinker 2005) (см. также [Пинкер, Джекендофф 2008]. — А. К.).

На наш взгляд, указанная позиция Хомского («изначальное назначение языка — способствовать мышлению») непосредственно следует из его теории. А это, в частности, означает, что и внутренняя речь способствует фор-

⁵ Следует, однако, иметь в виду, что «неинформативное» использование языка (обмануть, показать свою образованность и пр.) всегда вторично и возможно лишь на фоне его информативного использования. Вообще, для человека типично использовать «естественные» действия для достижения вторичных, часто имплицитных, целей. Но это возможно лишь параллельно с достижением первичных целей. Так, если футболист желает покрасоваться перед зрителями, он может сделать это не иначе как в процессе осуществления какого-то чисто футбольного действия, например, пробивая штрафной удар. Красуясь, он, тем не менее, играет в футбол не в меньшей степени, чем когда он сосредоточен исключительно на игре.

мированию мысли. Именно поэтому «язык большей частью используется для внутренней речи»⁶. Итак, в хомскианской парадигме изначальное назначение языка — способствовать мышлению (т. е. порождать общий план мысли).

2.3. Мельчуковская парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) язык и жизненный мир независимы; 2) мышление является глобальным порождающим модулем, а язык — глобальным интерпретирующим модулем; 3) мышление и язык вносят равный вклад в порождение фразы; мышление создает концептуальную ситуацию, а язык, получая через интерфейс эту ситуацию, создает соответствующую ей фразу.

Здесь обе процедуры (мышление и язык) работают независимо (модульно), но порождающим становится уже мышление. Сначала оно формирует концептуальную ситуацию, затем интерфейс преобразует ее в подходящую форму и передает на вход языкового модуля, который на основе полученной информации формирует фразу. В результате построенная фраза (продукт языка) становится воплощением концептуальной ситуации (продукта мышления). Тем самым мышление и язык дают примерно равный вклад в порождение фразы: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление).

Поскольку язык сохраняет модульность, отделенность от жизненного мира человека, языковые значения по-прежнему (как и в предыдущих парадигмах) остаются сугубо внутриязыковыми характеристиками. Они связаны только друг с другом, но не с элементами жизненного мира (предметами или концептами, задающими классы предметов). Следовательно, как и прежде, у отдельных слов языка референтов нет. Референт появляется только у фразы, которая соотносится с концептуальной (а через нее и с предметной) ситуацией не непосредственно (благодаря значениям входящих в нее слов), а опосредованно — через интерфейс.

Такая трактовка языкового значения (как чисто внутриязыковой сущности, отделенной от жизненного мира) имеет свою традицию, восходящую к А. А. Потебне:

Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела ⟨...⟩ говоря о значении слова *дерево*, мы должны были бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова

⁶ Можно согласиться с этими утверждениями Н. Хомского. Вопрос лишь в том, как именно внутренняя речь помогает мышлению: творчески, непосредственно участвуя в мыслительном процессе, или «технически», удерживая мысль в активном состоянии в кратковременной, или «оперативной» памяти.

вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую языкознанию, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова [Потебня 1956: 127; разрядка автора].

Эту точку зрения поддерживает и развивает А. А. Реформатский, ср.:

... для лексики единственная возможность понять и построить систему заключается в отказе от термина и понятия «значение» ... лексику как систему образуют те связи и отношения, которые составляют «сетку значимостей» (...) Отрицать у слов значение никто не собирается, и в очень многих случаях этим должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру (...) при построении лексической системы важно не то, что значит отдельное слово (*есть* = *essen* или *manger*), а то, что возникает при наличии *есть*, *вкушать*, *кушать*, *жрать*, *шамать* [Реформатский 1967: 108, 118, 119].

В наиболее эксплицитной форме эта точка зрения излагается И. А. Мельчуком в ответе на письмо автора:

А. Д. Кошелев: Толкование полнозначного слова должно адекватно описывать множество его прямых референтов. [Ни в коем случае! У слова же вне фразы нет референта. — *И. М.*] ⁷. (...)

И. А. Мельчук: Все зависит от того, как и е семантические примитивы Вы ищите. Если примитивы мысли или восприятия, то, разумеется, их надо искать в действительности [точнее, в психическом отражении действительности. — *И. М.*]. Но если это примитивы для описания значений слов (а не для описания вещей!), то они — только в языке. (...) Я убежден (всегда был, а теперь и совсем уверен), что толкование слова не должно описывать множество его референтов! Для меня это центральное убеждение лингвиста [Кошелев — Мельчук 1996: 195—196; разрядка И. А. Мельчука].

Итак, в значениях слов различаются два компонента: понятийный (Понятие-сем.) — «значимость», отражающая семантическую системность слова, и концептуальный (Концепт) — «референциальное значение», отражающее содержательную связь слова с его референтами — элементами жизненного мира человека. В данной парадигме второй компонент и с к л ю ч а е т с я из собственно языкового значения слова.

2.3.1. Теория лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Центральным представителем данной парадигмы стала теория «Смысл ⇔ Текст». В ней естественный язык определяется как «преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных

⁷ В квадратные скобки заключены дополнения и разъяснения, сделанные И. А. Мельчуком при подготовке переписки к печати.

текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук 1999: 9]. Во избежание терминологической путаницы мы введем следующее терминологическое единообразие: вместо термина «смысл» будем использовать термин «значение» (у И. А. Мельчука эти термины синонимичны). Кроме того, под текстом будем понимать его частный случай — фразу (реально именно она и строится, см. [Там же: 10, 24—26, 33 и др.]). Тогда определением языка служит модель вида:

(3) Значение \Leftrightarrow Фраза.

И. А. Мельчук определяет языковой знак как тройку (Означаемое, Означающее, Синтактика), где Синтактика — это информация о сочетании знака с другими знаками. Как и у Соссюра, референт в это определение не включен ([Иорданская, Мельчук 2007: 28]; подробнее об этом см. [Мельчук 1997: 119]). Мы, в соответствии с нашей терминологией, будем представлять эту схему так:

(4) Слово — (Понятие-грамм. + Понятие-сем.).

В отличие от хомскианской схемы (2), здесь обе составляющие — интерпретирующие, поэтому ни одна из них не выделена. Однако их явное разделение в (4) необходимо.

Дело в том, что в теории «Смысл — Текст» любое языковое значение, и в частности, значение фразы представимо посредством **семантического метаязыка** — ограниченного набора простых слов (значения которых признаются «элементарными») и небольшого числа синтаксических конструкций этого же языка (см., напр., [Апресян 2005: 13]). Однако собственно значением здесь называется лексико-семантическая составляющая общего значения знака (4), т. е. Понятие-сем. Только она доступна для описания посредством семантического метаязыка. Что же касается грамматической составляющей, то она не представима в семантических понятиях и не может описываться посредством семантического метаязыка.

Так, по мнению Мельчука, имя существительное не имеет никакого общего значения, которое следовало бы описывать. Это «класс лексем, которые ведут себя как имена собственные. Они склоняются, имеют множественное число, их можно сделать подлежащим. А остальное просто не нужно» [Мельчук 2005]. Аналогичным образом обстоит дело с падежами, приставками и пр. [Там же].

Поскольку в схеме знака (4) отсутствует референциальный компонент, значения слов содержательно никак не связаны с элементами жизненного мира. Поэтому значение фразы, представленное на семантическом метаязыке, оказывается строго отделенным от концептуального мира и соответствующей

концептуальной ситуации. С последней это значение связано лишь опосредованно — через интерфейс (см. ниже).

Тем самым язык в данной теории получает статус самостоятельного модуля, текущая работа которого не зависит от мышления (и концептуального мира). Правда, это уже интерпретирующий модуль («не порождающее, а преобразующее устройство») [Там же: 21; разрядка автора], поскольку продукты его работы обусловлены не только внутренними основаниями, но и внешними данными. Входом для (3) служит Значение, формируемое извне, интерфейсом — «отдельной» моделью Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение, которая (это специально оговаривается), будучи «исключительно важной для работы модели» (3), «к ней не относится», т. е. «собственно языком» не является [Там же: XI]. Стало быть, как и у Хомского, здесь «способность к употреблению языка», реализуемая с помощью данного интерфейса, языком не признается.

Тем самым, согласно определению (3), язык трактуется в теории «Смысл — Текст» как инструмент для передачи значений (т. е. понятий — единиц исключительно внутриязыкового содержания).

Кроме определения (3) («язык в узком смысле»), Мельчук вводит понятие «язык в широком смысле», которое примерно соответствует объединению понятий «язык в узком смысле» и «употребление» языка (по Хомскому): «Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение» + «Значение \Leftrightarrow Фраза» + «Фраза \Leftrightarrow Фонетика» [Иорданская, Мельчук 2007: 221—222].

2.3.2. Об интерфейсе между языком и жизненным миром. Один из важных вопросов любой модульной концепции языка — объяснение работы интерфейса, соотносящего фразы языка с внешним миром. В теории И. А. Мельчука и интерфейс, и концептуальный мир (здесь — концептуальное представление) вводятся явно. В конце 80-х годов И. А. Мельчук вводит в свою теорию «новый уровень представления высказываний, более глубинный, нежели семантический — концептуальный» [Мельчук 1999: XI]. Этот уровень описывает «фрагмент внеязыковой действительности, т. е. определенной ситуации» [Иорданская, Мельчук 2007: 221, 50].

Соотнесение значения фразы с соответствующей концептуальной ситуацией осуществляет интерфейс Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение фразы, использующий особый язык, ср.: «Представление концептуального уровня — это последовательность *сообщений*, т. е. особого рода формальных выражений, изображающих желаемое содержание будущего текста *максимально независимым от языка образом*» [Мельчук 1999: XI; курсив автора, разрядка моя. — А. К.].

Язык описания концептуальных ситуаций (в нашей терминологии — набор концептов и связывающих их отношений) часто называют языком мыс-

лей, или мыслекодом. За ним закреплен статус универсального языка, не зависящего от конкретных языков. Поясняя (в частном сообщении) назначение своего «особого языка», И. А. Мельчук писал: «мышление, т. е. логическая обработка сообщений, происходит, я думаю, не на этом языке. Этот концептуальный язык нужен для связи русских смыслов с действительностью (= значений русских фраз с концептуальными ситуациями. — А. К.), а не для мышления».

Иначе говоря, этот язык является лингвоориентированным (поэтому его можно назвать **смыслокодом**, чтобы отличать от универсального мыслекода). К примеру, русский смыслокод позволяет переходить от универсальной концептуальной ситуации к русскоязычной — близкой к ней ситуации, построенной из концептов и отношений, адекватно представимых русскими словами (именами и предикатами) и русскими фразами. Как кажется, эта модифицированная концептуальная ситуация и есть входное Значение.

Итак, согласно сказанному, порождение фразы осуществляется в данной теории следующим образом. Сначала мышление порождает концептуальную ситуацию (комбинацию концептов, имеющую самостоятельный смысл в концептуальном мире человека). Посредством интерфейса (при участии и мышления, и языка) эта концептуальная ситуация преобразуется в лингвоориентированную концептуальную ситуацию (входное Значение), которую можно непосредственно выразить значением фразы. И, наконец, языковой модуль строит для этого Значения подходящую фразу (или множество синонимичных фраз). Как мы видим, доли мышления и языка в порождении фразы примерно равны: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление).

Замечание 1. При всем различии теорий Хомского и Мельчука, их объединяет одна фундаментальная черта: трактовка языка как самостоятельно функционирующего модуля, связанного с жизненным миром лишь посредством интерфейса. Возможно, поэтому обе теории дрейфуют в сторону традиционной парадигмы, провозглашающей непосредственную связь языка с мышлением и жизненным миром человека.

Так, в начале 90-х годов Мельчуком были явным образом введены уровень Концептуального представления и «референционная структура» фразы. Стало более эксплицитно учитываться влияние концептуального уровня. Так, в монографии [Иорданская, Мельчук 2007: 524] в толкования причинных предлогов (*из-за* и *от*) вводятся «особые условия на употребление», которые «зачастую обращаются не к семантическому описанию лексических единиц, а к определенным аспектам реальных ситуаций». Иными словами, для описания правил употребления причинных предлогов с другими лексическими единицами (при переходе от Значения фразы к ее Имени) привлекаются свойства «реальных ситуаций», т. е. осуществляется непосредственное обращение к жизненному миру.

Сходные нововведения делает и Хомский, ср.: «В настоящее время в теории Хомского произошел существенный перелом, и он добавил к генетическому дару („Genetic endowment“), основному фактору, который наряду с языковым опытом

(„Experience“) ответствен за развитие языковой способности личности, новый (третий) фактор — принципы, не являющиеся специфическими для языковой способности ... (Chomsky 2005: 6; разрядка автора)» [Кибрик 2008: 204].

Представители данной парадигмы: А. А. Потеня, А. А. Реформатский, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, В. С. Храковский и др.

2.4. Традиционная парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) жизненный мир первичен, а язык — в своих грамматических значениях — не зависит от мира, тогда как в семантических значениях — зависит, поскольку отражает свойства и структуру элементов мира; 2) мышление является глобальной порождающей процедурой, а язык — локальной интерпретирующей процедурой; 3) мышление вносит преобладающий вклад в создание фразы: порождает для нее концептуальную ситуацию; язык строит фразу, лексико-семантическая структура которой уже задана этой ситуацией.

Данная парадигма исходит из положения о том, что лексические (но не грамматические) значения слов (имен и предикатов) отражают предметные свойства и отношения внеположного языку жизненного мира человека. В отечественной традиции подчеркивается, что не только «вещи», но и отношения между ними отражаются в лексических значениях слов, ср.:

Первое членение мира осуществляется еще до возникновения языка ... Представление о предметах и явлениях окружающего мира у человека возникает в доречевой стадии (...) В структуре языка отражаются отношения между предметами и явлениями материального мира [Серебренников 1988: 203, 3]; Словарные толкования как раз и основываются на определенном соотношении обозначаемых словами предметов с другими предметами [Шмелев 2006: 13].

Мы называем эту парадигму традиционной, поскольку близкий тезис был выдвинут еще «реалистами» в их споре с «номиналистами» — споре, продолжающемся «в той или иной форме со времен Платона по сей день» [Лайонз 1978: 425]. В самом общем виде — это спор о том, на каких основаниях имя соотносится с внеязыковыми объектами. «Реалисты» считают, что значение имени отражает «природные» свойства объектов, а «номиналисты» — что значение имени, фиксируя некоторое общее свойство объектов, отражает человеческую таксономическую «традицию»⁸. Это же положение «средневе-

⁸ Естественно считать, что рассматриваемые парадигмы отражают современную трактовку того же спора. «Номинисты» считают, что жизненный мир является порождением человеческого языка (и тогда он — продукт человеческой «традиции» и потому существенно отличен от жизненного мира, скажем, антропоидов, обладающих системой восприятия, близкой к человеческой, но не имеющих языка). «Реалисты» же считают, что этот мир — продукт прежде всего человеческой системы пер-

ковые грамматики формулировали ... так: форма слова ... обозначает „вещи“ посредством „понятия“, ассоциируемого с формой в умах говорящих на данном языке» [Лайонз 1978: 427]. Приведенная формулировка фактически задает языковой знак как трехстороннюю сущность:

(5) Слово — Понятие — Класс референтов (предметов).

Поэтому схему знака (5) также можно считать традиционной (позднее она была названа семантическим треугольником).

Итак, у слов появляются референты (или классы референтов, задаваемые концептами). В предыдущих парадигмах у слов референтов не было.

Согласно схеме (5) значение слова непосредственно обобщает (объединяет в класс) множество сходных предметов (референтов). Этот вывод разделяют многие исследователи, например, Л. С. Выготский и Э. Сепир, ср.:

Слово всегда относится не к одному какому-нибудь отдельному предмету, но к целой группе или целому классу предметов. В силу этого каждое слово представляет собой скрытое обобщение ... значение слова прежде всего представляет собой обобщение. <...> оно есть речь и мышление в одно и то же время, потому что оно есть единица речевого мышления. <...> Эдвард Сепир прекрасно выяснил это в своих работах по психологии речи: «Элементарный язык, — говорит он, — должен быть связан с целой группой, с определенным классом нашего опыта. Мир опыта должен быть чрезвычайно упрощен и обобщен, чтобы возможно было символизировать его. Только так становится возможной коммуникация, ибо единичный опыт живет в единичном сознании и, строго говоря, не сообщаем. Для того, чтобы стать сообщаемым, он должен быть отнесен к известному классу, который по

цептивного восприятия (и тогда он, напротив, близок к жизненному миру антропидов, по крайней мере, в своей предметной составляющей). В этом споре Ф. де Соссюр, а также Э. Бенвенист (см. [Кошелев 2008б: 20—21]), утверждая, что язык человека порождает его жизненный мир, занимают позицию крайнего номинализма. Как выразительно писал А. Ф. Лосев, эта позиция сводит «все человеческое знание на одни только слова, с полным отрывом от всякой внесубъективной предметности» [Лосев 1982: 185]. Позицию Н. Хомского можно трактовать как умеренно номиналистскую: язык, формируя общую структуру мысли, задает тем самым только общий план мира; его конкретная, в частности, предметная составляющая формируется в соответствии с этим планом, но по своим законам. Традиционная парадигма выражает умеренно реалистическую позицию: мир формируется сам по себе — как его конкретные (предметные), так и общие (концептуальные) структуры. Кроме того, своими конкретными структурами мир определяет лексико-семантические структуры языка. Наконец, когнитивная парадигма (А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, см. п. 2.5) отражает позицию крайнего реализма: мир не только существует сам по себе, но полностью определяет язык (структуры языка суть поименованные концептуальные структуры).

молчаливому соглашению рассматривается обществом как единство» [Выготский 1996: 15—17].

Ср. также: «речевой звук ... должен быть ... ассоциирован с каким-либо элементом или группой элементов опыта — скажем, со зрительным образом или рядом зрительных образов ... для того, чтоб приобрести хотя бы рудиментарную языковую значимость. Этот „элемент“ опыта есть содержание или „значение“ языковой единицы» [Сепир 1993: 33].

Подставим в схему (5) вместо Понятия пару его составляющих. Получим: Слово — (Понятие-грамм. + Понятие-сем.) — Класс референтов (предметов).

Поскольку именно Понятие-сем. задает Класс референтов, выделим пару: «Понятие-сем. — Класс референтов (предметов)». Но она представляет собой не что иное, как конкретный Концепт (Концепт-конкр.). Таким образом, традиционная схема знака приобретает вид:

(6) Слово — (Понятие-грамм. + **Концепт-конкр.**)

(здесь концептуальная составляющая выделена, поскольку используется порождающей процедурой).

Схема (6) со всей наглядностью иллюстрирует цитированную выше мысль Выготского: «значение слова ... есть речь и мышление в одно и то же время, потому что оно есть единица речевого мышления». В самом деле, первый компонент значения (Понятие-грамм.) принадлежит языку, а второй (Концепт-конкр.) — мышлению.

Отметим уникальное своеобразие традиционной парадигмы: в ее рамках язык и мышление, будучи процедурами, не становятся модулями, поскольку они напрямую (посредством концепта, а не через интерфейс) связаны между собой.

Разумно предположить следующий порядок формирования фразы в традиционной парадигме. Сначала мыслительная процедура порождает концептуальную ситуацию (ее вклад 0.5) и тем самым предопределяет лексико-семантическую составляющую будущей фразы. Затем мыслительная и языковая процедуры модифицируют эту ситуацию, приспособив ее к лексическим возможностям языка (0.1 вклад мышления и 0.1 вклад языка). И, наконец, интерпретирующая языковая процедура строит синтаксическую структуру, но не произвольную (тогда бы ее вклад был 0.3, как в хомскианской парадигме), а подходящую для построенной концептуальной ситуации (вклад языка 0.2, вклад мышления 0.1). Итого, получаем: 0.3 (язык) + 0.7 (мышление) — зеркальное отражение распределения в хомскианской парадигме.

Из проведенного анализа следует, что главное назначение языка в этой парадигме — служить инструментом для передачи мысли в обобщенной форме. Непосредственной формой для мысли (модифицированной концептуальной ситуации) служит лексико-семантическая

структура. Облекаясь в синтаксическую структуру, она становится обобщенной и одновременно общезначимой формой для этой мысли.

2.4.1. Р. Якобсон и Д. Н. Шмелев о языковом значении. В отечественной лингвистике традиционный подход представлен в работах целой плеяды лингвистов, в частности, в исследованиях В. Г. Гака [Гак 1998: 210 и сл.], Б. А. Серебренникова и Д. Н. Шмелева. Последний, в отличие от А. А. Реформатского, определяет слово как «языковой знак, призванный обозначать предметы и явления окружающей действительности» [Шмелев 1977: 60; разрядка автора], ср. также:

Индивидуальные лексические значения слов в значительной степени обусловлены природой обозначаемых словами предметов и явлений самой действительности (...) Конечно, возможно изучение значений слов на основе их лексической и синтаксической сочетаемости ... Но такое изучение, очень важное для семасиологии, не является само по себе изучением значений ... не может раскрыть подлинной природы существующих между ними различий (...) при всей привлекательности идеи о некоторой освобожденной от значения «сетки значимостей» неясно, как можно изучать номинативные единицы как таковые, игнорируя их номинативную функцию [Шмелев 2006: 13—16].

Эта точка зрения согласуется с позицией Р. Якобсона, высказанной им в курсе лекций «Формальная школа и современное русское литературоведение» (Брно, 1935 г.). Анализируя цитированную выше мысль Потебни, он отмечал:

... установка на предметность является сущностью знака, и — прежде всего — основой слова, основой языка. Знак и, в особенности слово, обозначает нечто, иначе он бы не был бы знаком, это его собственная функция, его идеал. Каково отношение этого гравитационного пункта, этого языкового идеала к языковому идеалу, который выделяет Потебня и который можно определить как установку на знак или самодостаточность, самоцельность знака? ... Установка на знак предполагает одновременное существование противоположной функции, то есть ориентации знака на объект реальности, ибо иначе знак перестает быть знаком и обращается в ничто [Якобсон, в печати].

В отличие от мельчуковской парадигмы, к значению слова здесь относятся оба компонента: «референциальное значение» и «значимость», ср.: «значение слова основано на диалектическом единстве языкового и внеязыкового содержания» [Шмелев 1977: 62—63]. В данном ракурсе в «сетке значимостей» естественно видеть отражение системы предметных отношений.

Представители традиционной парадигмы: Э. Сепир, Р. Якобсон, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев и др.

2.5. Антисоссюровская, или когнитивная парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) жизненный мир первичен, а языковой мир вторичен и всеми своими значениями (как лексико-семантическими, так и грамматическими) отражает свойства и структуры элементов жизненного мира⁹; 2) мышление является глобальным порождающим модулем; язык, как самостоятельный немыслительный модуль, не существует; 3) мышление вносит доминирующий вклад в порождение фразы.

Суть когнитивного подхода можно выразить так: язык — это подсистема понятийных концептов в рамках общей системы концептов, ср. также:

...языковые структуры используют общий когнитивный аппарат, такой как категориальные структуры. Языковые категории являются видами когнитивных категорий [Лакофф 2004: 85]; Когнитивно-ориентированная лингвистика исходит из презумпции, что языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая, так сказать, «отражается» в зеркале естественных языков [Кибрик 2008: 228].

Отметим главное отличие данной парадигмы от традиционной: не только лексико-семантические, но и грамматические, в частности, синтаксические значения непосредственно связаны с элементами жизненного мира человека — отражают их более абстрактные свойства и структуры. Поэтому грамматические значения из чисто языковых, отделенных от жизненного мира (традиционная парадигма), превращаются здесь в концептуальные, относящиеся к этому миру.

Можно предположить, что коррелятами семантических значений (Понятий-сем.) являются конкретные концепты (Концепт-конкр.), непосредственно задающие классы предметов или классы отношений между предметами, а коррелятами грамматических значений — абстрактные концепты (Концепт-абстр.), задающие классы конкретных концептов и их отношений друг с другом. В таком случае в традиционной схеме знака (6) языковой компонент Понятие (грамм.), выражавший грамматическое значение, заменяется компонентом Концепт-абстр. и значение знака становится полностью концептуальным:

(7) Слово — **Концепт** (= **Концепт-абстр.** + **Концепт-конкр.**)

(значение выделяется, поскольку, как мы увидим далее, оно является порождающим).

Обратим внимание на полярную оппозиционность схемы (7) соссюровской схеме (1).

⁹ См. «постулат о примате когнитивного» в [Баранов, Добровольский 1997: 14], а также [Касевич 1998: 16].

Знаки соединяются друг с другом в соответствии с общими законами соединения концептов посредством концептуальных отношений. Иначе говоря, имена знаков оказываются простыми этикетками на некоторых концептах и концептуальных отношениях, а сам язык (система знаков) становится подмножеством поименованных концептов (во всем множестве концептов). Тем самым язык подпадает под компетенцию мыслительной процедуры: построив концептуальную ситуацию (мысль), эта процедура далее сама же создает и фразу, выражающую эту мысль, формируя комбинацию поименованных концептов, наиболее близкую к построенной. При этом фраза, как и в парадигме Соссюра, оказывается вырожденной: там она не имела концептуальной ситуации (продукта мышления), а здесь — понятийной, чисто языковой структуры (продукта языка).

Таким образом, язык оказывается частью мыслительной процедуры — той частью, которая строит комбинации поименованных концептов. Эти концепты (знаки языка) могут сочетаться друг с другом особым образом, чтобы образовывать комбинации, близкие к любым концептуальным ситуациям (мыслям). Поэтому они могут составлять обособленное подмножество концептов, для работы с которым требуется особая частная процедура в рамках мышления. Но при этом фраза всегда остается поименованной мыслью, а значит язык в виде самостоятельной процедуры, отделенной от мышления, оказывается просто ненужным.

Из сказанного вытекает, что в рамках когнитивной парадигмы язык — это инструмент для непосредственного выражения мысли, для «преобразования мысли в коммуникативную форму».

Как мы видим, когнитивная парадигма полярно противоположна сосюрской парадигме: там язык был глобальным модулем, включающим в себя мышление, и предназначался для осуществления мышления, а здесь наоборот, мышление является глобальным модулем, включающим в себя язык, который лишь именуется независимо от него существующую мысль. Поэтому мы называем эту парадигму не только когнитивной, но и **антисоссюрской**¹⁰.

2.5.1. Теория А. Вежбицкой. Если обратиться к целостным концепциям, лежащим в русле когнитивной парадигмы, то, пожалуй, первая из них (сочетающая в себе общий подход к языку с детальной разработкой аппарата семантических описаний и широчайшим спектром его применения) — это тео-

¹⁰ В статье [Касевич 1989: 8—9] противоположным сосюрскому признается «когнитивный подход», при котором когнитивные структуры «столь же самостоятельны, сколь и языковые». Мы же называем этот подход промежуточным, мельчуковским (язык и концептуальный мир самостоятельны).

рия А. Вежбицкой¹¹. Характерным для нее является использование «естественного семантического метаязыка» (ЕСМ), предназначенного для описания «любых языковых значений» [Вежбицкая 1999: 17, 25]. В отличие от теории И. А. Мельчука, здесь ЕСМ универсален — его «семантические примитивы» и синтаксические конструкции одни и те же для разных языков.

Однако радикальное отличие теории Вежбицкой от теории Мельчука связано не с универсальностью как таковой, а с обоснованием природы ЕСМ. По мысли Вежбицкой, семантические примитивы ЕСМ суть «воплощения» (т. е. «лексикализации») в каждом языке основополагающих элементов жизненного мира человека — фундаментальных концептов, а синтаксические правила отражают естественные комбинации данных концептов в этом мире, ср.:

В теории, принятой в этой книге («Семантические универсалии и описание языков». — А. К.), с самого начала была выдвинута гипотеза, что элементарные концепты могут быть обнаружены путем тщательного анализа любого естественного языка, а также и то, что идентифицированные таким образом наборы примитивов будут «совпадать» и что, собственно, каждый такой набор есть не что иное, как одна лингвоспецифическая манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов. (...) Это предположение было основано на представлении о том, что фундаментальные человеческие концепты являются врожденными ... и что, если это так, нет никаких оснований полагать, что они будут различаться от одного человеческого сообщества к другому (...) Я также постулирую врожденные и универсальные правила синтаксиса ... в смысле интуитивно верифицируемых моделей возможных комбинаций элементарных концептов [Вежбицкая 1999: 16—17, 25].

Тем самым фактически постулируется первичность и системность концептуального мира — «фундаментальных концептов» и их «возможных комбинаций», порождающая (уже вторичную) системность «семантических примитивов» и «универсальные правила синтаксиса».

Примат концептуального мира над языком не ограничивается у А. Вежбицкой только уровнем фундаментальных, базовых концептов. Он распространяется и на этнокультурные концепты, которые также воплощаются в языковых значениях слов, но не общепонятных, а лингвоспецифических, выражающих «ключевые» концепты народной культуры. Поэтому Вежбицкая совершенно обоснованно использует свой метаязык ЕСМ не только для описания языковых значений, но и для описания самих концептов жизненного мира. Так, в [Вежбицкая 2005: 467] указывается, что автор изуча-

¹¹ Ср.: «Многие — например, Р. Лэнгекер, Ч. Филмор ... считают и А. Вежбицкую теоретиком когнитивной семантики» [Рахилина 1998: 280].

ет значения ключевых слов, «чтобы вскрыть их скрипты», т. е. этноспецифические концепты¹². Такая «двуликость» ЕСМ вполне понятна, ведь в его основу кладется «полный (пусть гипотетический) перечень фундаментальных человеческих концептов, способных генерировать все остальные концепты. Существенно, что этот список претендует на то, чтобы быть одновременно перечнем лексических универсалий» [Вежбицкая 1999: 16].

Как мы видим, между фундаментальным концептом и значением семантического примитива (воплощающим этот концепт) существенного различия нет. Если в теории Мельчука значение трактовалось как чисто языковое понятие (Понятие-сем.), строго отделенное от концепта, то здесь, напротив, значение и есть концепт.

Как и Мельчук, Вежбицкая использует ЕСМ для описания «любых языковых значений». Но у нее область «языковых значений» гораздо шире, чем у Мельчука. Сюда относится и семантика синтаксиса, в частности, семантика падежей [Вежбицкая 1985: 303—341], и семантика частей речи (см. напр., статью «Что значит имя существительное?» в [Вежбицкая 1999: 91—133]), и пр. Мельчук, напротив, не трактует грамматические характеристики в семантических понятиях и не считает возможным описывать их посредством своего семантического метаязыка.

Таким образом, если в теории Мельчука (а также и в традиционной парадигме) лексико-семантический и грамматический уровни языка строго разделены, то в теории Вежбицкой оба они описываются одним и тем же ЕСМ (набором семантических примитивов и базовых синтаксических конструкций). А значит, язык целиком погружается в мышление и становится его частью. Ведь порождение фразы сводится к порождению комбинации именованных концептов, которая в конечном счете доступна описанию посредством ЕСМ и его комбинаций фундаментальных концептов.

Во введении мы приводили тезис А. Вежбицкой: «язык — это инструмент для передачи значения». Точно так же определяется функция языка и в мельчуковской парадигме. Однако, если там значением фразы (то, что передается) называется чисто языковое (понятийное) содержание, только посредством интерфейса связанное с концептуальной ситуацией (мыслью), то здесь значение фразы и есть концептуальная ситуация (т. е. передаваемая мысль).

Можно думать, что теория А. Вежбицкой отражает ее более общие установки: сведение семантики к пониманию («семантика есть наука о понима-

¹² Как подчеркивает А. Вежбицкая, «теория культурных скриптов представляет собой расширение известного Апресяновского учения о „наивной картине мира“» [Там же]. Необходимо, однако, помнить, что названное учение относится исключительно к языку и языковым значениям [Апресян 2005: 7—8].

нии») и «атомистическое» объяснение понимания (человек может понять высказывание лишь потому, что оно «построено из простых элементов, которые понятны сами по себе») [Там же: 15].

2.5.2. Теория Дж. Лакоффа. Любая когнитивная теория, описывая язык как более или менее самостоятельную часть человеческого мышления, прежде всего (явно или неявно) изучает мышление, ср.:

Теоретически имеется два пути установления отношений между процессами языковой деятельности (и стоящими за ними языковыми структурами) и мыслительными процессами (и стоящими за ними когнитивными структурами): от мышления к языку и от языка к мышлению. К сожалению, на практике первый путь пока еще недостаточно перспективен ввиду недостаточности наших знаний о механизмах и единицах мышления ... Наоборот, в настоящий момент второй путь может ... способствовать реконструкции существенных характеристик собственно когнитивной структуры. В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы [Кибрик 2008: 205].

Теория А. Вежбицкой в полной мере реализует путь «от языка к мышлению». Теория Дж. Лакоффа интересна прежде всего тем, что она представляет собой классический образец когнитивной теории, реализующей подход «от мышления к языку». Поэтому изучение мышления в ней более эксплицитно. Что же касается общих когнитивных принципов, то они по существу те же, что и в теории А. Вежбицкой.

Как и Вежбицкая, Лакофф не проводит различия между концептом и значением: «Языковые категории должны быть того же типа, что и другие категории в нашей понятийной системе» [Лакофф 2004: 86]. Только у Лакоффа это положение не постулируется, а выводится из того факта, что «прототипические эффекты» присущи как языковым значениям, так и концептам других типов [Там же: 86—98]. Семантику Дж. Лакофф трактует по существу так же, как и А. Вежбицкая («семантика — это наука о понимании»), ср.: «Необходима когнитивная семантика — эмпирически адекватное описание человеческого разума». Надо сказать, что это положение неизбежно вытекает из предыдущего: ведь языковые значения суть те же концепты — единицы мышления, ср.: «Изучение категоризации является ключом к изучению мышления» [Там же: 474, 477].

Наконец, хотя Лакофф отвергает «атомистический» подход А. Вежбицкой («мысль имеет свойства *гештальта* и, таким образом, не атомистична: понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных „строительных блоков“ посредством общих правил» [Там же: 13]), идея «семантической композиционности» в его теории также реализуется. Просто «строительные блоки» у Лакоффа значительно крупнее [Там же: 365].

Построенная Дж. Лакоффом концептуальная система имеет два типа «непосредственно значимых» структур: базовые (родовые) концепты и образные схемы. Из них с помощью когнитивных моделей строятся сложные концептуальные структуры.

Остановимся на понятии концепта. В рамках когнитивного направления, связанного с именами Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана и др., было сделано важное открытие, касающееся особой роли родовых категорий типа «яблоко», «собака», «стул». А именно: родовые категории формируются у ребенка первыми, являются для него исходно понятными и служат основой для формирования других, более общих и более частных категорий. Кроме того, «дети усваивают имена вещей на этом уровне раньше всего» [Лакофф 2004: 55—58, 71]. По мнению Э. Рош, Дж. Лакоффа и др., родовые категории становятся «базовыми» потому, что «опираются на гештальтное восприятие». Поэтому целостный образ, или «общий внешний вид является главным определителем» базовой (родовой) категории. Этот образ и составляет основу концепта, задающего базовую категорию (подробнее см. [Кошелев 2008а: 28]).

Введенный концептуальный аппарат Дж. Лакоффа использует для описания языковых значений, причем, как лексических, так и грамматических. Он описывает предлоги, части речи. Так, имя существительное определяется им как радиальная категория с центральной субкатегорией «физических существ — людей, мест, вещей». Широко известны его прототипические описания лексических значений таких слов, как *холостяк*, *мать*, *ложь* и др. [Лакофф 2004: 103 и сл.]¹³.

2.6. Теория С. Пинкера и Р. Джекендоффа. Наряду с непосредственным интересом к данной теории (мы так называем общую часть двух в целом различных концепций), ее разбор обусловлен еще одним обстоятельством: она не укладывается ни в одну из обсуждавшихся выше пяти парадигм.

С. Пинкер и Р. Джекендофф существенно модифицируют теорию Н. Хомского, расширяя сферу языка. Наряду с «языковой компетенцией», они относят к языку и его «употребление», в частности интерфейс, обеспечивающий взаимосвязь синтаксической структуры фразы с ее концептуально-семантической структурой, принадлежащей независимому от языка концептуальному, или мыслительному уровню. Элементы этого уровня — концепты — составляют язык мысли, или мыслекод, на котором и осуществляется мышление, ср.:

¹³ Как убедительно показано в [Вежбицкая 1996: 202, 205—208], эти описания весьма спорны.

Концептуальная структура, охватывающая алгебраические аспекты значения, релевантные для лингвистического выражения (исключая, например, сенсорные и двигательные образы), представляет собой комбинаторную и потенциально рекурсивную ментальную репрезентацию, которая поддерживает способность к формальным умозаключениям и присутствует в более простой форме у не имеющих языка существ, таких, как человекообразные обезьяны и младенцы (Lerdahl, Jackendoff 1983; Jackendoff 2002).

Люди думают не на английском, китайском или языке апачей. Они думают на мыслекоде. (...) Знание языка, таким образом, означает знание того, как можно перевести мыслекод в словесные цепочки, и наоборот [Пинкер 2004: 69—70].

Таким образом, интерфейс, связывающий синтаксическую и концептуально-семантическую структуры фразы, становится важнейшим элементом языка (его внутренней организации), а не связующим звеном между языком и «внешним» концептуальным миром, как у Хомского и Мельчука.

Основные соответствия между «фрагментами синтаксической и концептуальной структур» задаются словами.

Согласно концептуальной семантике, значения слов и предложений суть формулы на абстрактном языке мыслей [Pinker 2007: 125, 77—83; Jackendoff 2007: 192—193]; Объединение слов в синтаксические группы также необходимо для того, чтобы связать грамматически правильные предложения с их истинным значением — блоками мыслекода [Пинкер 2004: 69—70, 89].

Нетрудно понять, что изложенная точка зрения весьма близка к традиционной парадигме. Подобно традиционной схеме знака (6), здесь общее значение слова также мыслится как совокупность грамматического и концептуального компонентов (Понятие-грамм. + Концепт), принадлежащих разным структурам: синтаксической и концептуальной. Однако, в отличие от традиционной парадигмы, здесь обе структуры (и синтаксическая и концептуальная) трактуются как продукты независимых порождающих модулей (а не взаимосвязанных процедур языка и мышления). Это и понятно: синтаксическая процедура признается порождающим модулем вслед за Н. Хомским, позицию которого в этом вопросе С. Пинкер и Р. Джекендофф разделяют, а концептуальная процедура становится порождающим модулем по своей природе. Концептуальный уровень первичен относительно языка¹⁴ и формируется мышлением, которое строит концептуальные ситуации, исходя из своих, не обязательно связанных с языком, оснований.

Как кажется, в такой трактовке кроется противоречие. Ведь из семантической схемы (6) слова с неизбежностью следует, что язык и мышление — не самостоятельные модули, а непосредственно взаимосвязанные

¹⁴ Ср.: «концептуальная структура — это уровень ментальной структуры, который в значительной степени автономен относительно языка и эпистемологически первичен ему» [Jackendoff 2007: 193].

процедуры. Причем язык не может быть порождающей процедурой одновременно с мышлением, поскольку концепты (единицы мышления) в то же время являются и семантическими компонентами значений слов. Стало быть, осуществляемое мышлением построение концептуальной ситуации (мысли) задает лексико-семантическую структуру фразы и тем самым в значительной мере предопределяет ее синтаксическую структуру. Если, к примеру, мышление построило концептуальную ситуацию, содержащую предметный концепт, то в синтаксической структуре слово, обозначающее этот концепт, будет существительным. Если концептуальная ситуация отражает концептуально-семантическое отношение между предметными концептами «X внутри Y-а», то в синтаксической структуре это отношение будет отражено вполне определенным, а не произвольным образом¹⁵.

Напомним, что в традиционной парадигме этого противоречия не возникает. Там «в жертву» приносится позиция Хомского: язык признается интерпретирующей процедурой, а мышление — порождающей.

Нетрудно убедиться, что трактовка языка у Пинкера и Джекендоффа не соответствует не только традиционной (ближайшей к ней), но и соседним парадигмам. В мельчуковской парадигме значение слова не соотносится напрямую с концептуальным уровнем, а в когнитивной парадигме¹⁶ с этим уровнем непосредственно соотносится не только лексическое, но и грамматическое значение, ввиду чего синтаксическая процедура вообще утрачивает самостоятельность. Наиболее близка данная трактовка к понятию Мельчука «язык в широком смысле» (см. конец п. 2.3.1). Разница лишь в том, что Мельчук считает язык не порождающим, а интерпретирующим модулем.

Применение модульного подхода затрудняет еще одна проблема. Необходимо, чтобы формируемые модули соответствовали природной структуре моделируемого объекта («естественной» декомпозиции его на относительно самостоятельные части). Проиллюстрируем сказанное дальнейшим рассмотрением более формализованной теории Р. Джекендоффа.

2.6.1. Теория Р. Джекендоффа. Согласно данной теории, предложение — это не одна синтаксическая структура, как у Н. Хомского, а «парал-

¹⁵ Следует сказать, что отмеченное противоречие свойственно и другим теориям, отстаивающим модульность языка. Как свидетельствуют современные когнитивные данные, модульный принцип не может дать адекватного описания специфики взаимодействия языка и мышления, поскольку эти процедуры непосредственно взаимосвязаны (анализ этого тезиса применительно к теориям Н. Хомского и И. А. Мельчука см. в п. 4.1 и 4.2).

¹⁶ Ее С. Пинкер называет «лингвистическим детерминизмом» и определяет так: «язык, на котором мы говорим, и есть собственно язык мыслей ...» [Pinker 2007: 125; курсив автора].

лельная архитектура» трех (сверху вниз) структур: фонологической, синтаксической и «семантической / концептуальной», связанных между собой интерфейсами. К «семантической / концептуальной» структуре снизу (и также «параллельно») присоединяется еще одна, пространственная структура (наблюдаемая, образная составляющая реальности) [Jackendoff 2007: 7 ff.]. Причем каждая отдельная структура формируется своим порождающим модулем, ср.:

В параллельной архитектуре предложение хорошо сформировано, если независимо хорошо сформированы все три его структуры — фонологическая, синтаксическая и семантическая, а также посредством интерфейсов хорошо сформированы соответствия между ними [Jackendoff 2007: 49]. <...> Семантическая / концептуальная структура в свою очередь отображается некоторым не очень понятным (ill-understood) способом в пространственное или образное кодирование ситуации (encoding of the scene), которая описывается в предложении, так что предложение может быть использовано для описания наблюдаемой картины (a visual scene) <...> уровни концептуальной структуры и пространственной структуры не принадлежат именно к языковой способности; они играют роль и во многих других способностях, включая зрительное восприятие и действие ... Интерфейсы, посредством которых «чисто языковая способность» сообщается с концептуальной структурой и пространственной структурой, качественно не отличаются от интерфейса между фонологией и синтаксисом: в любом случае интерфейс устанавливает корреляцию между частями структур [Там же: 12, 16; разрядка моя].

Наличие в этой параллельной архитектуре двух нижних структур связано с предположением, что передаваемая предложением мысль (ситуация) «естественно» складывается из двух самостоятельных частей: концептуальной и образной (пространственной), соединенных интерфейсными связями. Между тем, некоторые соображения когнитивного характера позволяют утверждать иное. Согласно Дж. Лакоффу (см. п. 2.5.2), одной из основополагающих характеристик концепта является гештальт-образ (это же конституируется и в определении концепта в [Кошелев 2008a: 23 и сл.]). Поэтому разделение ситуации (мысли) на собственно концептуальную и образную части вряд ли отвечает когнитивной реальности.

Напротив того, образ неразрывно связан с другими характеристиками концепта (со способами взаимодействия с образом, с интерпретацией образа и пр.). Поэтому, если предмет препарировать на образную (пространственную) и остальные составляющие, то совершенно непонятно, какой интерфейс (и на каких основаниях) мог бы затем их подходящим образом воссоединить. Ведь у ребенка с самого раннего возраста все эти составляющие неразрывны и задают предмет совокупно. Не случайно Р. Джекендофф отмечает, что «кон-

цептуальная структура ... отображается в пространственное или образное кодирование ситуации некоторым не очень понятным способом».

Сказанное дает основание предполагать, что пространственная структура не имеет самостоятельного статуса, не отделена от концептуально-семантической структуры и поэтому не может трактоваться как продукт самостоятельного порождающего модуля.

§ 3. Об эволюционном векторе лингвистических теорий

Следуя проведенному анализу, мы будем каждую парадигму описывать тремя характеристиками: внелингвистической (речемыслительный критерий), общелингвистической (назначение языка) и внутрилингвистической (схема знака). В соответствии с важнейшим, речемыслительным критерием языковые парадигмы упорядочиваются следующим образом.

1) Соссюровская парадигма (п. 2.1).

В порождении фразы доминирует язык: 1 (язык) + 0 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом мышления (создавать мысли).

(1) Слово — **Понятие** (= **Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

2) Хомскианская парадигма (п. 2.2).

В порождении фразы преобладает язык: 0.7 (язык) + 0.3 (мышление).

Назначение языка — способствовать мышлению (создавать общий план мысли).

(2) Слово — (**Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

3) Мельчуковская парадигма (п. 2.3).

В порождении фразы доли языка и мышления равны: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом передачи значений (единиц внутриязыкового содержания).

(4) Слово — (**Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

4) Традиционная парадигма (п. 2.4).

В порождении фразы преобладает мышление: 0.3 (язык) + 0.7 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом для передачи мысли (концептуальной ситуации) в обобщенной форме.

(6) Слово — (**Понятие-грамм.** + **Концепт-сем.**).

5) Когнитивная парадигма (п. 2.5).

В порождении фразы доминирует мышление: 0 (язык) + 1 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом для передачи мысли (для «преобразования мысли в коммуникативную форму»).

(7) Слово — **Концепт** (= **Концепт-абстр.** + **Концепт-конкр.**).

Отметим «синхронию» введенных парадигм. В монографии [Степанов 1998: 176 и сл.] рассмотрена последовательность сменяющих друг друга парадигм («философий языка»), отражающих «господствующий в данную эпоху взгляд на язык». В нашем случае речь идет об одновременно существующих и развивающихся парадигмах.

Если мы временно удалим из приведенного списка традиционную парадигму, то оставшиеся парадигмы — 1), 2), 3) и 5) — образуют хронологический и идейно преемственный ряд. Каждая парадигма порождалась новаторской теорией: Ф. де Соссюра, Н. Хомского, И. А. Мельчука и А. Вежбицкой — Дж. Лакоффа¹⁷, появлялась позднее предыдущей, и ее автор (или авторы), как правило, учитывал (принимал, изменял или отвергал) постулаты предшествующих парадигм.

Возникающий эволюционный вектор показывает направление развития в XX веке новаторских лингвистических теорий. В начале века возникла теория Ф. де Соссюра, которую можно считать начальной точкой эволюции. В ней доминирующую роль в порождении фразы играл язык. Последующие теории все больше и больше отдалялись от теории Соссюра. В них роль мышления постепенно повышалась, а роль языка снижалась. Наконец, в теории А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа (конечная точка эволюции) доминирующую роль в порождении фразы играет уже не язык (как у Соссюра), а мышление.

Можно предположить, что в рамках предложенной классификации получившиеся парадигмы (включая и традиционную) задают полное исчисление парадигм. Если это так, истинная теория языка должна относиться к одной из них. Поэтому в следующем параграфе мы попытаемся понять, какие парадигмы можно заранее исключить из дальнейшего рассмотрения.

§ 4. О психологической обоснованности языковых парадигм в свете современных данных

4.1. К обоснованности соссюрской парадигмы. Эта парадигма (п. 2.1) исходит из постулата о первичности родного языка, который усваивается ребенком до возникновения у него жизненного мира и, более того, формирует (дифференцирует и структурирует) далее этот мир.

¹⁷ Теория Э. Сепира была не менее новаторской. Однако работы Сепира не были оценены по достоинству, ср.: «Гений Сепира состоял в том, что ему удалось сказать о языке и о науке о языке значительно больше, чем это могло быть понято его современниками и может быть понято нами ...» [Кибрик 2003: 29]. Господствующей в американской лингвистике стала менее новаторская концепция Л. Блумфильда [Кибрик 1993: 8], и эволюция лингвистических теорий пошла более дробными шагами.

Результаты когнитивной революции конца XX века ставят под сомнение этот постулат. Начавшиеся в 60-е годы широкомасштабные когнитивные исследования выявили, что способности младенца воспринимать и осмысливать окружающий мир развиваются гораздо быстрее, чем предполагалось ранее, ср.:

Традиционно предполагалось, что младенцы не способны к адекватному восприятию мира, не обладают способностью к репрезентациям и образованию представлений о законах организации мира. ... Современная революция в психологии развития заставляет нас пересмотреть эти представления. С самого раннего возраста младенец наделен организующими принципами, позволяющими ему репрезентировать мир и «понимать» некоторые законы его существования ... Например, такие конструкты, как непрерывность и субстанциональность, глубоко внедрены в когнитивные репрезентации физического мира и усваиваются человеком еще в младенческом возрасте. (...) младенец — не сенсомоторный индивид, лишенный упорядоченных ментальных структур, погруженный в хаос ощущений, как ранее полагалось. **Младенец — репрезентативный индивид**, наделенный способностью структурировать и упорядочивать мир [Сергиенко 2006: 14; выделено автором].

Выяснилось, что к 7—8 месяцам у младенцев складывается вполне детализированная и осмысленная картина окружающего предметного мира, ср.:

«К 6 месяцам их восприятие цвета почти такое же, как у взрослых (Mauger, Mauger, 1988)» [Крайг, Бокум 2007: 239—340]. «2.5-месячные малыши понимают, что твердый объект не может пройти сквозь другой твердый объект» [Берк 2006: 414]. В 6—7 месяцев дети уже «чувствительны к гравитационным эффектам. Они понимают функции опоры и толчка [Би 2004: 243; Субботский 2007: 177]. «В 8 месяцев младенцы используют цвет, форму и непроницаемость поверхности для восприятия отдельности и целостности объектов (Needman, Bailargeon, 1993)» [Сергиенко 2006: 220 и сл.]

(см. также [Ньюкомб 2003: 176—177; Кошелев 2008б: 30—31; Баттерворт, Харрис 2000: 86—107; Шэффер 2003: 283—330]).

Более того, оказалось, что у ребенка столь же рано (практически параллельно формированию предметного мира) начинают формироваться и «базовые» категории, ср.:

«Младенцы 3—4 мес. демонстрируют способность к категоризации на базовом уровне для многих типов зрительных объектов: человеческие лица, кошки, собаки, лошади, птицы (...) Например, ... детские базовые категории для домашних кошек ... отличны от птиц, лошадей, собак и тигров, но включают ... львиц ... в 6—7 месячном возрасте репрезентации домашних кошек уже исключают львиц» [Сергиенко 2008: 355]. «В возрасте 7—8 месяцев у младенцев складывается самое общее представление о живых существах, их отличии от движущихся механизмов, а в 9 месяцев они начинают отличать птиц от самолетов» [Крайг, Бокум 2007: 242, 255]. «К 7 месяцам младенцы ... могут различать различные виды лицевой экспрессии, например, отличать

„счастье“ от „страха“» [Крайг, Бокум 2007: 241], см. также [Коффка 1934: 92, 190; Шэффер 2003: 298].

В результате к 7—8 месяцам, т. е. к началу пассивного усвоения (понимания) звучащих слов родной речи [Выготский 2005: 154], у младенца формируется вполне дифференцированный жизненный мир, включающий и предметный, и концептуальный (категориальный) уровни.

Приведенные когнитивные данные (а это лишь небольшая их доля) свидетельствуют о том, что *возникающий у ребенка жизненный мир хронологически и эпистемологически первичен, а усваиваемый им родной язык — вторичен* и, более того, в значительной мере *обусловлен существованием и развитием жизненного мира*¹⁸.

Но этот вывод входит в противоречие с первым постулатом сосюрской парадигмы. Поэтому *возникают серьезные сомнения в психологической обоснованности этой парадигмы описания языка*, ср. также [Касевич 1989: 10; Пинкер 2004: 47 и сл.].

Имеются и другие факты, усиливающие такие сомнения. Например, появились достоверные описания интеллектуальных способностей людей, которые вообще не знакомы с человеческим языком, но обладают при этом человеческим жизненным миром и мышлением. Так, известны случаи «глухих взрослых, не знающих языка ни в одной форме — ни жестового, ни чтения по губам <...> Несмотря на их изоляцию от словесного мира, они демонстрировали множество форм абстрактного мышления: могли починить сломанный замок, знали, как обращаться с деньгами ...» [Пинкер 2004: 56], см. также [Слобин 1976: 192—193].

4.2. К обоснованности хомскианской и мельчуковской парадигм. Напомним, что эти парадигмы (пп. 2.2 и 2.3) объединяет одно фундаментальное положение: язык в них трактуется как самостоятельно функционирующий модуль, продукты которого (фразы) связаны с жизненным миром лишь через интерфейс (не относящийся к языку).

Для анализа обоснованности этого положения рассмотрим поэтапное развитие коммуникативной функции и речи ребенка, задаваясь при этом вопросом: может ли на начальном или на каком-то последующем этапе этого развития возникнуть полное разделение жизненного мира ребенка и его языка — такое разделение, которое вызывает необходимость использования специального интерфейса между ними.

¹⁸ Ср. тезис Д. Слобина «о первичности когнитивного развития, прокладывающего путь развитию языковых средств для выражения намерений ребенка» [Слобин 1984: 160].

Начнем с возраста 7—8 месяцев, когда у младенца начинается процесс пассивного усвоения речи [Цейтлин 2000: 48—50, 64; Крайг, Бокум 2007: 258]. С этого времени ребенок начинает понимать первые слова и выражения родного языка и адекватно реагировать на них — обращать взгляд к названному предмету и пр. Это значит, что его жизненный мир обретает первичное сходство с жизненным миром взрослого. Следует, однако, иметь в виду, что узнаваемые младенцем слова еще не несут функции речевых знаков. Они для младенца — лишь звуковые жесты, указатели на некоторые текущие ситуации или элементы его мира, точнее, его перцептивного поля. Ясно, что здесь возникает непосредственная, не требующая никакого интерфейса, связь между услышанным звуковым жестом и его референтом.

С 9—10 месяцев ребенок начинает использовать символические действия для игры и управления действиями взрослых [Крайг, Бокум 2007: 253]. В это же время у него возникают «коммуникативные намерения и конвенциональная сигнализация» [Бейтс 1984: 51]. Если ранее ребенок, стремясь дотянуться до цели, смотрел только на нее, то теперь он попеременно смотрит на цель и на взрослого. Его действия (например, «дотянуться и схватить») часто становятся обращенной к взрослому символической имитацией реальных действий.

Примерно с 12 месяцев у ребенка возникает первая активная фаза речи: он начинает выговаривать отдельные слова или осмысленные созвучия (го-ло-фра-зы), выражающие какие-то ситуации его жизненного мира, ср.:

Процесс наименования начинается у ребенка с именования ситуации как нерасчлененного целостного единства. В качестве единиц наименования используются звуковые комплексы ⟨...⟩. В содержательном плане эти единицы эквивалентны целому высказыванию, и их принято называть голофразами ⟨...⟩ их адекватное понимание возможно лишь в том случае, если ребенок, слушающий его взрослый, а также предметы и явления, о которых идет речь, объединены в пространстве и времени [Лепская 1997: 25, 35] (см. также [Слобин 1976: 86; Выготский 1996: 85]).

Ясно, что и здесь ребенок непосредственно соотносит свои голофразы с ситуациями своего жизненного мира.

С полутора лет ребенок переходит к телеграфной речи — его фразы состоят уже из двух или трех слов [Пинкер 2004: 254 и сл.; Крайг, Бокум 2007: 266]. Но они по-прежнему понятны лишь в ситуации живого диалога с ребенком и поэтому тоже непосредственно связаны с его жизненным миром.

Характеризуя двухсловные детские фразы, Д. Слобин особо подчеркивает их «универсальность» и «межъязыковое сходство»:

Ребенок использует язык в его наиболее универсальном и истинно человеческом смысле уже на стадии двухсловных предложений ⟨...⟩ Конструкции

«подлежащее — сказуемое» (которые универсальны для человеческого языка) отмечаются в речи с самого начала ее развития. (...) Короче говоря, язык используется для того, чтобы описывать мир и вступать в отношения с людьми. (...) основные функции (просьба, вопрос, отрицание, описание событий и др. — А. К.) обеспечиваются двусловными предложениями в речи детей на различных языках (включая самоа и луо — один из языков Кении. — А. К.). Межъязыковое сходство здесь просто поразительно [Слобин 1976: 93—94].

Уже приведенные данные со всей определенностью свидетельствуют о том, что детский язык не образует самостоятельного модуля, отграниченного от жизненного мира ребенка, а напротив того, непосредственно связан с этим миром. Во-первых, детские фразы ситуационно обусловлены и вне ситуации речи непонятны. Они передают слушателям занимающие ребенка ситуации его жизненного мира. Поэтому они никак не могут быть нацелены на передачу внутриязыковых значений (сущность языка, по И. А. Мельчуку). Во-вторых, фразы разноязычных детей функционально и структурно универсальны. Поэтому они не способны осуществлять и другую функцию («языковую компетенцию», по Н. Хомскому): представлять правильные синтаксические структуры языка (синтаксис родного языка в них пока не проявляется). А значит, никаким интерфейсом ребенок не пользуется (за ненадобностью).

Замечание 2. Проведенный анализ позволяет высказать более сильную гипотезу: детский язык отвечает когнитивной парадигме. В самом деле, в нем доминирует лексико-семантическая составляющая, вполне соответствующая концептуальному уровню. Что же касается грамматической составляющей, то она пока еще (до «языкового взрыва») не сформировалась.

После 2-х лет у ребенка начинается «языковой взрыв», знаменующий переход его языка в следующую, взрослую фазу. В течение ближайших двух-трех лет речь ребенка стремительно развивается. Она очень быстро обогащается лексически и синтаксически, превращаясь из «телеграфной» в беглую и грамматически правильную, сопоставимую с речью взрослого человека (см. к этому: [Выготский 1996: 101—102; Пинкер 2004: 256 и сл.]).

Конечно, можно предположить, что именно на этом этапе язык и обретает полную самостоятельность (модульность). Это, однако, возможно лишь при разрыве уже возникших непосредственных связей между детским языком и его жизненным миром, что вряд ли имеет место. Ведь языковой взрыв — это очередная фаза речевого развития ребенка, неизбежно преемственного, базирующегося на предыдущей, детской фазе. В [Кошелев 2008: 197 и сл.] показано, как именно «когнитивное развитие прокладывает путь развитию языка» (говоря словами Д. Слобина). Согласно общей теории развития (см. [Левин 2001: 281—282; Чуприкова 2007]), происходит дифференциация и интеграция элементов жизненного мира ребенка. В результате жизненный мир ребенка дополняется множеством новых элемен-

тов: частей предметов (ножка, ручка, дно, сиденье и под.), предметов-комплексов (стая, лес и под.) и др. Без такого обновления жизненного мира языковой взрыв оказывается невозможным, см. [Кошелев 2008: 203 и сл.].

Вслед за когнитивным идет и языковое развитие ребенка. В частности, первичное значение детского слова, выражающее целостность его референтов, дополняется новым компонентом, отражающим структуру их частей [Там же: 199 и сл.] и пр. Тем самым, развивающаяся в процессе языкового взрыва схема знака (а вместе с ней и следующая, взрослая фаза языка) сохраняет тесную связь с детской фазой, а стало быть, и с жизненным миром ребенка.

Если приведенные рассуждения верны, *они дают основание усомниться в психологической адекватности хомскианской и мельчуковской парадигм*. Ведь их реализация предполагает полное разделение функций детской фразы (выразить ситуацию своего мира) и взрослой фразы (выразить значение или синтаксическую структуру), а это вряд ли возможно. Напротив, естественно полагать, что взрослая фраза сохраняет и развивает функцию детской фразы. Она тоже описывает ситуацию жизненного мира говорящего, но теперь это описание уже внеситуационно: для его понимания от слушателя не требуется участия в ситуации речи.

Коснемся теперь исходных причин, побудивших И. А. Мельчука и Н. Хомского трактовать язык как самостоятельный модуль.

4.2.1. О модульности языка в теории И. А. Мельчука. Весьма примечательно, что И. А. Мельчук вовсе не считает язык самостоятельным модулем, ср.:

... требуя, чтобы в нашем описании смысл и работа с ним четко отделялись от преобразования «Смысл \Leftrightarrow Текст» (т. е. от языка. — *А. К.*), мы отнюдь не имеем в виду утверждение о независимости того, что мы высказываем, от языка, на котором мы это говорим ... Подобная трактовка (модульность языка. — *А. К.*) ... не претендует на соответствие психологической реальности. «Независимый смысл» есть, разумеется, научная абстракция, которая ... огрубляет действительную картину¹⁹; однако ... это огрубление не грубее, чем ... представления о синтаксической структуре («в отрыве» от лексики и семантики) [Мельчук 1999: 24].

¹⁹ Об этом свидетельствуют и нейрофизиологические данные, не подтверждающие семантической автономности языкового модуля. Они указывают, что представления языковых значений конкретных лексем (*стол*, *бежать*) не объединены в мозгу человека в самостоятельный блок, отделенный от представлений их референтов (конкретных предметов и действий), как можно было бы ожидать в случае автономного функционирования языка. Напротив того, «корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов и ... корковое представление слов действий тесно связано с корковым представлением самих действий. В пользу этого заключения свидетельствуют новейшие исследования ... (Martin et al. 1999)» [Голдберг 2003: 99—103].

Отделенность языка от когнитивной среды нужна Мельчуку исключительно «для точного описания» взаимодействия языка с этой средой. Механизм реализации модульности прост: постулируется существование безымянного входного Значения — продукта интерфейса Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение (см. п. 2.3.2), которое поступает на вход языкового модуля, после чего интерпретируется моделью языка (3), т. е. преобразуется во множество синонимичных фраз.

Однако гораздо более естественно полагать, что языковая процедура напрямую (без интерфейса и промежуточного Значения) обращается к сформированной мышлением концептуальной ситуации и строит фразу, приближенно (но максимально близко) выражающую ее своими значениями. Как кажется, именно так и Мельчук понимает «психологическую реальность» ср.:

Концептуальное представление действительности ... это некоторое представление о мире, о чем я хочу говорить, но такое, которое еще не сформировано моим языком, но сформировано моими психологическими способностями (...) Когда я начинаю говорить, я даже не знаю, на каком языке я буду говорить. Готовых смысловых сгустков у меня еще нет, а тем не менее, я уже думаю, о чем я собираюсь говорить [Мельчук 2005. Интервью; разрядка моя. — А. К.].

Подведем итог. Полностью разделяя позицию И. А. Мельчука в том, что модульность языка огрубляет реальную картину, а также в том, что это огрубление «не грубее», чем постулируемая Н. Хомским отделенность синтаксической структуры «от лексики и семантики», мы расходимся только в одном: в качественной оценке указанного огрубления. На наш взгляд, и в том и в другом случае вводимая «научная абстракция» существенно искажает моделируемый языковой процесс и потому нежелательна (различая характеристики Понятие-грамм. и Понятие-сем., мы не считаем их полностью разделенными).

4.2.2. О модульности языка в теории Н. Хомского. Согласно исходному тезису Хомского, ребенок овладевает родным языком, главным образом, благодаря врожденному знанию базовой модели языка, или Универсальной Грамматики, задающей основные «правила» человеческого языка. Что же касается речевой среды, то ее роль сводится лишь к конкретизации этих правил, установлению для них определенных «параметров» (порядок слов и др.), задающих своеобразие данного языка. Такой взгляд и дает основание мыслить реализацию «языковой компетенции» ребенка в виде порождающего модуля, лишь интерфейсно связанного с когнитивной средой.

В самом деле, ребенок, находясь в среде родного языка, усваивает его очень быстро («мгновенно»), причем вопреки крайней «бедности исходных данных» [Пинкер 2004: 33]. Более того, ребенок самостоятельно открывает

многие конструкции родного языка, которые ему не встречались и не имеют аналогов в уже известном ему языке. «Для Хомского такой вид аргументации, который он называл „доказательством, исходящим из недостаточности исходных данных“, — самое важное подтверждение того, что знание базовой модели языка является врожденным» [Там же].

И действительно, «доказательство, исходящее из недостаточности исходных данных» свидетельствует о важной роли врожденной Универсальной Грамматики в усвоении ребенком родного языка. Однако из этого факта вовсе не следует модульность возникающего языка, поскольку реально действие Универсальной Грамматики начинает проявляться не сразу, а лишь на этапе «языкового взрыва». Но к этому времени язык ребенка уже частично сформировался, причем главным образом благодаря обучению, т. е. благодаря речевой среде.

Чтобы убедиться в сказанном, обратимся к выявленной недавно способности антропоидов к усвоению незвуковых аналогов человеческого языка (упрощенного языка жестов глухонемых и др.) [Зорина, Смирнова 2006: 159—163, 233—237]. Как показано в ряде экспериментов, «язык» антропоидов по уровню своего развития приближается к речевому уровню двухлетнего ребенка (см.: [Зорина 2008а: 7, 165; Зорина 2008б: 41 и сл.]).

Замечание 3. Н. Хомский и некоторые другие лингвисты не признают «языковых» достижений антропоидов: «употребление слов людьми для осуществления референции отличается в своих сущностных структурных и функциональных свойствах от редких примеров „референтных сигналов“ у других видов, в том числе, у некоторых ... человекообразных обезьян» [Хомский 2005: 117]. С. Пинкер считает, что упомянутые достижения — умелая дрессировка, а вовсе не языковое поведение: «шимпанзе — это хорошо выдрессированные животные, а двухлетний ребенок — это двухлетний ребенок» [Пинкер 2004: 321]. Нам кажется, что противоречия в оценках «языка» антропоидов исчезнут, если принять во внимание следующий тезис: детский язык не является полноценным человеческим языком, поскольку отражает лишь лексико-семантический уровень и не содержит многих грамматических (ключевых для языка взрослых) свойств. Поэтому из весьма внушительного набора свидетельств о сходстве детского языка и языка антропоида вовсе не следует, что антропоид «заговорил человеческим языком».

Понятно, что в формировании «языка» антропоида человеческий генетический фактор заведомо отсутствует, тогда как фактор обучения играет исключительно важную роль. Поэтому логично предположить, что и детский язык (с его универсальностью) является продуктом обучения, а не врожденной Универсальной Грамматики, как можно было бы думать²⁰. Стало быть, с тези-

²⁰ Уточним: генетический фактор не влияет на содержательную сторону усвоения ребенком языка. Однако он, по-видимому, играет важную роль в формировании

сом о важной роли «базовой модели языка» можно согласиться лишь отчасти, применительно к начинающемуся с двух лет этапу лавинообразного развития языка. С этого момента воспринимаемой ребенком речи окружающих, часто к тому же неправильной, явно недостаточно, чтобы он мог столь быстро обучиться родному языку. Однако к детскому этапу усвоения языка, который и у ребенка, и у антропоида обеспечивается обучением, этот тезис неприменим. Следовательно, *нет оснований считать Универсальную Грамматику модульным механизмом*. Ведь актуализируется она лишь после детского этапа языкового развития ребенка, причем неизбежно базируется на этом этапе.

Замечание 4. Некоторые исследователи, желая подчеркнуть доминирующую роль генетического фактора в развитии языка, обращают внимание на известный факт, отмеченный еще Р. Брауном: «родители на удивление редко исправляют грамматические ошибки своих детей. Вместо этого они сосредотачиваются на верности замечаний своих детей». Например, услышав фразу дочери *Мама не мальчик, он девочка* (грамматически неправильную), мать сказала: — *Правильно*. Напротив, грамматически безупречную фразу дочери *Вот ферма* мать поправила: — *Нет, это маяк* [Крэйн 2007: 444; Пинкер 2004: 267]. Точно так же специально не исправляется и произношение ребенка, ср.: — *Что это? — Лыбка. — Правильно, рыбка* [Цейтлин 2000: 32]. При этом имеется в виду, что ребенок и не нуждается в таких исправлениях.

Однако «удивительно безразличное отношение родителей к правильности детской речи» (С. Пинкер) легко объясняется, если видеть назначение языка не в порождении правильных синтаксических структур, а в выражении ребенком ситуаций своего жизненного мира. С такой точки зрения мать обучает ребенка главным образом в языке. Понимая, какую ситуацию он имел в виду, мать прежде всего следит за тем, чтобы фраза ребенка правильно ее выражала.

4.3. К обоснованности традиционной и когнитивной парадигм. В настоящее время мы не располагаем данными, которые ставили бы под сомнение обоснованность какой-либо из этих двух парадигм.

Иначе говоря, когнитивные исследования последних десятилетий позволяют утверждать, что «реалисты» в их споре с «номиналистами» (см. п. 2.4) одерживают полную победу. Остается лишь понять, какая из двух позиций «реалистов» в отношении языка является истинной: «умеренная» (традиционная парадигма) или «крайняя» (когнитивная парадигма). Один вариант теории развития дает основание предполагать, что у ребенка в процессе «языкового взрыва» происходит дифференциация языка и мышления: формирующаяся грамматика придает языку самостоятельное содержание, характерное для традиционной парадигмы. Однако нельзя исключить и другой вариант,

звуковой формы речи. Об этом, в частности, свидетельствует самопроизвольное возникновение с двух месяцев гуления, а с пяти — лепета (причем не только у нормально слышащих, но и у глухих младенцев).

при котором доминирующим окажется когнитивное и мыслительное развитие ребенка [Кошелев 2008: 205 и сл.]. В этом случае когнитивная парадигма может сохраниться (см. п. 4.2, Замечание 2).

Выражаю глубокую благодарность Вяч. Вс. Иванову и И. А. Мельчуку за придирчивый анализ первой (журнальной) версии статьи, позволивший мне исправить замеченные ошибки и устранить некоторые неясности изложения. Я также весьма признателен М. Н. Григорян за ценные советы.

Литература

- Апресян 2005 — Ю. Д. *Апресян*. О Московской семантической школе // *Вопр. языкознания*. 2005. № 1. С. 3—30.
- Баранов, Добровольский 1997 — А. Н. *Баранов*, Д. О. *Добровольский*. Постулаты когнитивной семантики // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 1997. Т. 56. № 1. С. 11—21.
- Баттерворт, Харрис 2000 — Дж. *Баттерворт*, М. *Харрис*. Принципы психологии развития. М., 2000.
- Бауэр 1985 — Т. *Бауэр*. Психическое развитие младенца. М., 1985.
- Бейтс 1984 — Э. *Бейтс*. Интенции, конвенции и символы // *Психолингвистика*. М., 1984. С. 50—103.
- Бенвенист 1974 — Э. *Бенвенист*. Общая лингвистика. М., 1974.
- Берк 2006 — Л. Е. *Берк*. Развитие ребенка. СПб., 2006.
- Би 2004 — Х. *Би*. Развитие ребенка. СПб., 2004.
- Вежбицкая 1985 — А. *Вежбицкая*. Дело о поверхностном падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 303—431.
- Вежбицкая 1996 — А. *Вежбицкая*. Язык. Культура. Знание. М., 1996.
- Вежбицкая 1999 — А. *Вежбицкая*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежбицкая 2005 — А. *Вежбицкая*. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Анна А. Зализняк и др.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 467—499.
- Выготский 1996 — Л. С. *Выготский*. Мышление и речь. М., 1996.
- Выготский 2005 — Л. С. *Выготский*. Психология развития ребенка. М., 2005.
- Гак 1998 — В. Г. *Гак*. Языковые преобразования. М., 1998.
- Голдберг 2003 — Э. *Голдберг*. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация. М., 2003.
- Зорина, Смирнова 2006 — З. А. *Зорина*, А. А. *Смирнова*. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006.
- Зорина 2008а — З. А. *Зорина*. Возможность диалога между человеком и человекообразной обезьяной: обзор экспериментальных исследований // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 135—172.
- Зорина 2008б — З. А. *Зорина*. Обезьяны не только «думают», но и «говорят» // *Вопр. языкознания*. 2008. № 4. С. 41—50.

- Иорданская, Мельчук 2007 — *Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук*. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Касевич 1989 — *В. Б. Касевич*. Языковые структуры и когнитивная деятельность // *Язык и когнитивная деятельность*. М., 1989. С. 8—18.
- Касевич 1998 — *В. Б. Касевич*. О когнитивной лингвистике // *Общее языкознание и теория грамматики*. СПб., 1998. С. 14—21.
- Кибрик 1993 — *А. Е. Кибрик*. Э. Сепир и современное языкознание // *Э. Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 5—22.
- Кибрик 2003 — *А. Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик 2008 — *А. Е. Кибрик*. Когнитивный подход к языку // *Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук*. М., 2008. С. 202—232.
- Коффка 1934 — *Ф. Коффка*. Основы психического развития. М.; Л., 1934.
- Кошелев 2008 — *Кошелев А. Д.* О качественном отличии человека от антропоида // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 193—230 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев 2008a — *Кошелев А. Д.* О языке психолингвистики (предисловие издателя) // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 21—40 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев 2008б — *Кошелев А. Д.* Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // *Вопр. языкознания*. 2008. № 4. С. 15—40 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев 1996 — *А. Д. Кошелев*. Референциальный подход к анализу языковых значений // *Московский лингвистический альманах*. Вып. 1. М., 1996. С. 82—194 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев — Мельчук 1996 — Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука // *Московский лингвистический альманах*. Вып. 1. М., 1996. С. 195—197 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Крайг, Бокум 2007 — *Г. Крайг, Д. Бокум*. Психология развития. СПб., 2007.
- Крэйн 2007 — *У. Крэйн*. Психология развития человека: 25 главных теорий. СПб., 2007.
- Лайонз 1978 — *Дж. Лайонз*. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лакофф 2004 — *Дж. Лакофф*. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Левин 2001 — *К. Левин*. Регрессия, ретрогрессия и развитие // *Динамическая психология*. М., 2001.
- Лепская 1997 — *Н. И. Лепская*. Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации. М., 1997.
- Лосев 1982 — *А. Ф. Лосев*. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.
- Мельчук 1999 — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». 2-е изд. М., 1999.
- Мельчук 2005 — Интервью, данное И. А. Мельчуком изд-ву «Языки славянской культуры» 27 июня 2005 г. (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Ньюкомб 2003 — *Н. Ньюкомб*. Развитие личности ребенка. СПб., 2003.
- Пинкер 2004 — *С. Пинкер*. Язык как инстинкт. М., 2004.

- Пинкер, Джакендофф 2008 — *С. Пинкер, Р. Джакендофф*. Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 261—292.
- Потебня 1956 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике: Извлечения // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Рахилина 1998 — *Е. В. Рахилина*. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274—323.
- Реформатский 1968 — *А. А. Реформатский*. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С. 103—125.
- Сепир 1993 — *Э. Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сергиенко 2006 — *Е. А. Сергиенко*. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2006.
- Сергиенко 2008 — *Е. А. Сергиенко*. Когнитивное развитие довербального ребенка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М. 2008. С. 337—366.
- Серебренников 1988 — *Б. А. Серебренников*. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Слобин 1976 — *Д. Слобин*. Психолингвистика. М., 1976.
- Слобин 1984 — *Д. Слобин*. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984. С. 143—207.
- Слюсарева 2004 — *Н. А. Слюсарева*. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 2004.
- Соссюр 1977 — *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 1998 — *Ю. С. Степанов*. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998.
- Субботский 2007 — *Е. В. Субботский*. Строящееся сознание. М., 2007.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Уорф 1999 — *Б. Уорф*. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. Т. 1. Новое в лингвистике: Избранное. М., 1999. С. 92—106.
- Успенский 1996 — *Б. А. Успенский*. Избранные труды. 2-е изд. Т. 1. М., 1996.
- Успенский 2007 — *Б. А. Успенский*. Fgo Loquens: Язык и коммуникативное пространство. М., 2007.
- Хомский 1972 — *Н. Хомский*. Язык и мышление. М., 1972.
- Хомский 2005 — *Н. Хомский*. О природе и языке. М., 2005.
- Цейтлин 2000 — *С. И. Цейтлин*. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Чуприкова 2007 — *Н. И. Чуприкова*. Умственное развитие: Принцип дифференциации. СПб., 2007.
- Шэффер 2003 — *Д. Шэффер*. Дети и подростки: Психология развития. СПб., 2003.
- Шмелев 1977 — *Д. Н. Шмелев*. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
- Шмелев 2006 — *Д. Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2006.
- Якобсон, в печати — *Р. Якобсон*. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц. М., в печати.
- Aslin 1987 — *R. N. Aslin*. Visual and auditory development in infancy // Handbook of Infant Development. 2nd ed. N. Y., 1987. P. 5—97.
- Aslin, Smith 1988 — *R. N. Aslin, L. B. Smith*. Perceptual development // Annual Review of Psychology, 39. 1988. P. 453—473.

- Brown 1973 — *R. W. Brown*. A First Language: The Early Stages. London, 1973.
- Chomsky 2002 — *N. Chomsky*. On Nature and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Chomsky 2005 — *N. Chomsky*. Three Factors in Language Design // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36, № 1. 2005. P. 1—22.
- Dodwell, Humphrey & Muir 1987 — *P. Dodwell, G. K. Humphrey & K. Muir*. Shape and pattern perception // *Handbook of Infant Perception*. Vol. 2. N. Y., 1987. P. 1—77.
- Gelman 1998 — *S. A. Gelman*. Categories in children's thinking // *Young Children*, 202 (4), 1998.
- Hauser, Chomsky, Fitch 2002 — *M. D. Hauser, N. Chomsky, W. T. Fitch*. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*, 298. 2002. P. 1569—1579.
- Jackendoff 2002 — *R. Jackendoff*. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. New York: Oxford University Press., 2002.
- Jackendoff 2007 — *R. Jackendoff*. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
- Jackendoff, Pinker 2005 — *R. Jackendoff, S. Pinker*. The nature of the language faculty and its implications for the evolution of language (Reply to Fitch, Hauser, and Chomsky) // *Cognition*. Vol. 97. 2005. P. 211—225.
- Lerdahl, Jackendoff 1983 — *F. Lerdahl, R. Jackendoff*. A Generative Theory of Tonal Music. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983.
- Mandler 1990 — *J. M. Mandler*. A new perspective on cognitive development in infancy // *American Scientist*, 78. 1990. P. 236—243.
- Martin et al. 1999 — *A. Martin, L. G. Ungerleider, J. V. Haxby*. Category Specificity and the Brain: The Sensory/Motor Model of Semantic Representation of Objects // *The New Cognitive Neuroscience* / Ed. by M. S. Gazzaniga. Cambridge: MIT Press, 1999. P. 1023—1036.
- Maurer, Maurer, 1988 — *D. Maurer, C. Maurer*. The World of the Newborn. N. Y., 1988.
- Mervis 1987 — *C. B. Mervis*. Child — basic object categories and early lexical development // *Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization* / Ed. by U. Nisser. Cambridge Univ. Press, 1987. P. 201—233.
- Needman, Bailargeon 1993 — *A. Needman, R. Bailargeon*. Intuitions about support in 4,5 month-old infants // *Cognition*. Vol. 47. 1993. P. 121—148.
- Pinker 2007 — *S. Pinker*. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. Penguin Press Science, 2007.
- Pinker, Jackendoff 2005 — *S. Pinker, R. Jackendoff*. The faculty of language: What's special about it? // *Cognition*. Vol. 95. 2005. P. 201—236.
- Quinn, Johnson 2000 — *P. S. Quinn, M. N. Johnson*. Global before-basic object categorization in connectionist networks and 2 months-old infants // *Infancy*. Vol. 1, № 1. 2000. P. 31—46.
- Rosch et al. 1976 — *E. Rosch, C. Mervis, W. Gray, D. Johnson, Penny Boyes-Braem*. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 491—502.
- Spelke 1988 — *E. S. Spelke*. The origins of physical knowledge // *Thought without Language*. Oxford, UK: Clarendon Press: Oxford Univ. Press, 1988. P. 168—184.